

Территориальная миграция - реализация потребности в полноте бытия

Автор: А. С. АХИЕЗЕР

Любые общественные явления, человеческие действия представляют собой результат двойной детерминации. С одной стороны, они могут рассматриваться как результат, навязанный субъекту внешними силами, например ранее накопленной культурой, которая некритически воспринимается каждым новым поколением, каждым вступающим в жизнь человеком. С другой стороны, все общественные явления - итог реальной и потенциальной свободной деятельности человека, развития его способности принимать решения, результат свободного творческого акта. Двойная детерминация порождает зазор, противоречия между своими полюсами, что требует развития соответствующих методов их преодоления вплоть до формирования новой логики [Библер, 1993, с. 49]. Это преодоление возможно лишь в результате развития у субъекта необходимой потребности в решении соответствующей проблемы.

Проблема двойной детерминации, соответствующие зазоры, противоречия пронизывают каждую клеточку человеческой деятельности, культуры. Следовательно, они постоянно требуют от человека поиска путей их преодоления, постоянного, возможно нарастающего, конструктивного напряжения.

Территориальная миграция в жизни людей

Территориальная миграция - попытка личности, групп людей реализовать свои планы, ценности, потребности, надежды, стремления, возможно утопические, начать новую жизнь в более благоприятных, по их собственным оценкам, условиях. Территориальная миграция - одна из форм человеческой жизнедеятельности. Ее специфика заключается в том, что как форма потребности в полноте бытия она реализуется через поиск новизны жизни, новых условий, мест проживания, труда, отдыха. Миграция - путь изменения, развития жизнедеятельности человека, его потребностей.

Миграция по самой своей сути - свободная деятельность, то есть опирающаяся на осознание субъектами миграции как реализации и углубления своей свободы. Сама миграционная деятельность свободна в том смысле, что она - форма реализации надежды на свободу развития собственного "Я", его потенциала. Оценка состояния, возможностей миграции в конкретно-исторический момент времени может иметь место через ду-

---

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта "Россия и Латинская Америка в мировом диалоге цивилизаций" (грант N06 - 01 - 02017а).

*А х и е з е р Александр Самойлович - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.*

альную оппозицию "свободная миграция субъекта - принудительная миграция". Данная оппозиция - результат обобщения опыта расчленения, дифференциации миграции на ее различные формы. Этот процесс имманентен деятельности людей, понимаемой как противоречивое единство анализа и синтеза.

Акт миграции можно рассматривать как стремление человека наращивать исторически сложившуюся полноту бытия. Миграция - творческий процесс, результат возможности роста разнообразия условий, средств, целей человеческой деятельности. Этот процесс повышает творческую активность личности, стимулирует достижение идеала полноты, представления о содержании которого постоянно меняются, усложняются. Развитие потребностей в полноте бытия во всем объеме человеческой деятельности имеет фундаментальное значение как фактор развития общества в каждой его точке. Это имманентный человеку результат и одновременно предпосылка развития культуры. Такой взгляд на проблему подводит к необходимости усиления внимания к превращению потребностей в полноте бытия в динамику общества.

О миграции как историческом процессе можно говорить уже на стадии первых шагов развития человека. Расселение людей с начала своего существования по лицу Земли было "уподоблено взрыву. За полтора-два десятка тысячелетий кроманьонцы преодолели такие экологические перепады, такие водные и прочие препятствия, каких ни один вид животных вообще не мог преодолеть" [Поршнева, 2006, с. 507].

Это историческое начало миграции можно было и не затрагивать в этой статье, если бы не одно первостепенно важное обстоятельство. Продолжу начатую цитату из Поршнева: "Нельзя свести это расселение людей по планете к тому, что им не доставало кормовой базы на прежних местах: ведь другие виды животных остались и питаются на своих древних ареалах нередко и до наших дней - корма хватает. Нельзя сказать, что в верхнем плейстоцене расселялись из худших географических условий в лучшие, - факты показывают, что имело место и противоположное. Им не стало "тесно" в хозяйственном смысле, - их общая численность тогда была невелика". Крайне интересно, что "люди искали отрыва фазу на большие дистанции, передвигались они при этом, конечно, поодиночке или очень небольшими группами" [Поршнева, 2006, с. 508]. Это означает, что вульгарно материалистическая концепция человеческих потребностей дает лишь иллюзорное объяснение сути миграции. Очевидно, что уже на уровне гоминидов, которых специалисты характеризуют как "избегающих скуки", возникали какие-то предпосылки потребностей, не уместяющихся в рамки чисто материальных.

Миграцию можно рассматривать как чувствительный показатель явных и скрытых общественных процессов, как мониторинг реальных и потенциальных явлений, как чувствительную основу для прогнозирования динамики общества, как результат чего-то неизмеримо большего, нежели просто поиск материального ресурса. Миграция - нечто большее, чем миграция, то есть она выступает как предпосылка множества других процессов. Например, "в старые времена миграцию считали позитивным процессом, средством умножения богатства, развития торговли, искусства, науки" [Материалы... 2004, с. 113]. Сегодня она, без сомнения, является школой бизнеса, втягивания в рыночные отношения, способствующие освоению новшеств, и т.д. [Зайончковская, 2004, с. 125]. Все эти формы деятельности выступали в обществе как основа мотивации миграционных решений и одновременно как основа развития способности их реализовать. Решение субъекта о своей миграции становится результатом двойной детерминации, то есть, с одной стороны, сложившегося унаследованного уровня культуры, возможно, весьма древней, с другой - критики этой культуры, выхода ее на новый уровень, акта способности субъекта потребностей преодолеть противоречия между аспектами этой двойственности. Акт миграции - это форма принятия решений, утверждающая, раскрывающая жизнеспособность человека, его способность найти выход из двойственности, преодолеть ограниченность ранее сложившейся культуры и одновременно критически отнестись к односторонности своих собственных попыток формировать инновации, к стоящей за ней полноте бытия.

Миграция в России

В древности миграционные потоки в Восточную Европу могли возникнуть лишь в результате, с одной стороны, давления извне на людей, ставших мигрантами, в местах их проживания, с другой - потребности в полноте бытия на основе осознания в той или иной степени возможности начать новую жизнь на новых землях, сулящих новые возможности. Местное истощение ресурсов, казалось бы, компенсировалось дальнейшей миграцией "жидкого элемента русской истории" (выражение С. Соловьева), что стимулировало потребность в полноте бытия в рамках экстенсивных ценностей. Стойкое сохранение экстенсивных форм жизни крайне слабо стимулировало качественное развитие этих потребностей. Факты, казалось бы, не опровергали представления о безграничности возможностей, для овладения которыми необходимо было якобы лишь занимать новые территории, уходить вглубь абстрактного пространства, наткнуться там на нечто ограниченно полезное. Это общество выступало как "архаичный социум" [Милов, 1998, с. 27, 564, 571]. Оно несло в себе склонность ограничить свои инновации. В этом лежала историческая причина того, что "русский народ характеризовался экстенсивной стратегией бытия" [Яковенко, 2004, с. 66], то есть потребностями в полноте бытия в рамках диалога, не выходящего за рамки экстенсивного мышления и деятельности.

Не менее важная особенность миграции в начале истории нашей страны заключалась в том, что она несла возможность для реального и потенциального мигранта уйти от власти, реализовывать догосударственный идеал воли, противостоящий внешним стеснениям. Тем самым стремление к полноте бытия формировалось через консервативный стимул на основе архаичной догосударственной культуры. Миграция-колонизация создавала возможность избегать идущих от "начальства", от чиновников запретов и переселяться на дальние "вольные земли", где, как представлялось, должна была начаться совершенно новая идеальная жизнь. Эта идея широко культивировалась в народных утопиях, в сложившейся культуре. Такие стремления подчас принимали форму массового бегства крестьян из своих деревень. Это означало, что получило значимое развитие стремление формировать потребности в полноте бытия, связанные с отходом от власти, в значительной степени к подмене развития ценностей свободой развитием ценностей преодоления внешних ограничений. Такое стремление замещало стремление конструктивно решать возникающие проблемы уходом от проблем, стимулировало стремление к полноте бытия в форме продвижения "нашей Правды" за пределы исторически сложившихся границ, вплоть до идей "русского космизма", требующего перемещения в другие миры. В этих условиях люди, которые отождествляли себя, свои ценности с государством, как они сами их понимали, могли, например, искать полноту бытия в рабовладении¹. Значение рабства в Древней Руси, по мнению историка А. Зимина, преуменьшалось. Поиск полноты бытия этого типа стимулировал превращение каждого человека в собственность государства, что открывало путь для миграции-колонизации на основе крепостничества, массового принуждения.

Ограничение объективных возможностей миграции для людей, веками решавших свои проблемы экстенсивными методами, реализовывалось в активизации ценностей уравнительности, так как ресурсы для колонизации начали уменьшаться. Ценность уравнительности - статичная основа стремления к полноте бытия; она весьма ограничивала возможности для этого процесса. Уравнительность стимулировала замещение потребности в развитии потребностями в консервации отношений людей. Усиление последних лежало в основе формирования территориальных общин. Еще до 1917 г. ценности уравнительности стимулировали потребности в полноте бытия в форме войны между самими крестьянами, то есть сторонниками и противниками уравнительности, точнее - между разными версиями уравнительности. Этот тип стремления к полноте

¹ Примерно лет 20 - 25 назад кандидат наук С. убеждал меня, что не следует "бояться рабства", если это целесообразно.

бытия, громадное множество его сторонников сокрушили государство и общество как антагонистов уравнительности.

Хотя, по своей сути, миграция - свободная деятельность, тем не менее государство, люди, превратившие самовоспроизводство государственного аппарата в свою личную ценность, в основу для формирования своих потребностей в полноте бытия, пытались максимально распространить свою власть на поведение, деятельность населения, превратить миграцию-колонизацию в форму, результат имперской политики насилия, в частности, присоединения новых территорий. Иначе говоря, возникла потребность в полноте бытия в форме подавления миграции как формы свободы. Это одновременно несло агрессивную, разрушительную для страны мифологию, включая, например, маниакальную идею захвата Константинополя, охватившую на рубеже XIX-XX В. В. даже образованную часть общества.

Миграция в стране, следовательно, была чревата двумя противоположными тенденциями, ведущими к формированию разных потребностей в полноте бытия. Они выражались в различных исторических динамиках массовой миграции, создавали друг для друга и для общества серьезные проблемы.

Переселенцы в поисках полноты бытия не всегда задерживались в городах и у земледельцев, а развивали дальше эту потребность, шли искать "новых земель" в "диком поле" и там "казаковали" на полном просторе за пределами государственности. Представление о государственной границе существовало лишь на западе и северо-западе. В остальных случаях действовала формула "куда топор, коса и соха ходили", заимствованная из опыта крестьян, устанавливающих границы участков. Вольная колонизация, состоявшая в значительной степени из казаков, опережала правительственную. Они создавали основу для власти имперского центра на присоединяемых уже заселенных, относительно освоенных территориях. Этот имперский центр пытался освоить миграцию, превратить ее в управляемый процесс, в реализацию своей потребности в полноте бытия в формах жизни, подчиненной государственной бюрократии. Здесь вновь мы видим расчленение миграции на два разнородных процесса.

Советская система пыталась преодолеть эту двойственность. На самых ранних этапах она пыталась организовывать насильственную миграцию, реализовывать ее через громадную систему концентрационных лагерей, где значительная часть населения "трудилась" и погибала в неблагоприятных для труда и жизни условиях и где выполнялась работа, не требующая квалификации. Там тоже была своя потребность в полноте бытия, пытающаяся формировать содержание на границах своего бытия. Она противостояла формам потребностей в полноте бытия другой части общества, которая, по крайней мере в какое-то время, ограничивала развитие своих потребностей борьбой за пайку, уходом в криминал, культивированием анекдотов, "опускающих" власть.

Потребность в полноте бытия людей, отождествляющих себя с государством, в возрастающей степени принимала форму их подавления. С 1937 г. потребности в полноте бытия людей, разделяющих ценности власти, опирающихся на архаичную культуру, приняли характер депортации целых народов. Она стимулировалась первобытными фобиями, массовой архаичной верой, что только силой можно решать значимые проблемы. Депортация охватила более 6 млн. поляков, немцев, корейцев, китайцев, курдов, иранцев, греков, турок, калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, народов Прибалтики и Молдавии, финнов ингерманландцев, казахов, а также кулаков и казаков [Полян, 2000].

Под влиянием сложившихся условий, специфики культуры возникал тип миграции, лишенной свободы, то есть отрицающей собственные основания. В конечном итоге все это приводило к подрыву основ человеческого существования, к массовой утрате способностей, умений, к деградации, к падению нравственности как исполнителей, так и их жертв, к подрыву способности формировать потребности в полноте бытия. Огромные массы людей перемещались в форме армий, громадных оккупационных войск на территориях других стран. Армия в России как воплощение архаичной идеи народной войны

выступает как массовая, оторванная от потребностей и самих мобилизованных, и сложного общества.

Здесь важно понять, что подобное массовое "употребление" людей было бы невозможно, если бы не существовало определенное их согласие на насилие над собой, что было каким-то элементом потребности в полноте бытия самих жертв этих насилий. Например, значительная часть заключенных ГУЛАГа соглашались с самой идеей массовых репрессий, хотя при этом каждый из них мог иметь особое мнение по поводу собственной "вины". Это позволяет констатировать, что стремление формировать свои потребности в полноте бытия значительной части людей выражалось в согласии с утопическим идеалом, включая согласие с представлением о том, что "тотем - вождь - отец народов" может и должен во имя высших, по сути заданных сакральных, целей превращать людей в неограниченном количестве в навоз. Первое лицо, ставшее высшим символом "Правды", обладало правом на их жизнь, что прямым курсом пришло от догосударственной архаики, когда слуги, жены умершего вождя боролись за честь уйти в могилу вместе с ним.

Раскол человеческого сознания между ранее сложившейся культурой, осваиваемой человеком, и новыми творческими импульсами тех же субъектов, достигая некоторого критического уровня, разделял, расчленял миграцию на разные ее формы, несущие разные ценности. Это лежало в основе расчленения миграции в соответствии со специфическими формами полноты бытия, создавало зазоры, противоречия, содержание которых непрерывно менялось, усложнялось. Такая двойственность постоянно стимулировала человека повышать способность к ее преодолению.

Раскол миграции имел глубокие последствия для общества в целом, для путей ее развития. В течение последних столетий преобладающие потоки миграции шли в стране на юг и на запад [Июфа, 1951, с. 10, 21, 23], то есть именно это направление отвечало осознанному или подсознательному стремлению к полноте бытия значительной массы населения. Это было, безусловно, связано с осознанием ценности жизни в более благоприятных климатических условиях, в уже сложившихся городах, с разнообразием их возможностей. Однако люди, составляющие высшую власть и тяготеющие к ней, формировали на этой основе свои потребности в полноте бытия, стремились сломать этот исторически сложившийся естественный процесс, направить миграцию на север и на восток.

В конечном итоге выявилось, что проекты власти противостояли мощным массовым свободным ценностям миграции. Произошел раскол внутри самой миграции, потоков, ориентированных разными формами полноты бытия, что имело для страны далекоидущие последствия. Слабела мотивация миграции, связанная со старыми советскими ценностями, усиливались спонтанные, относительно свободные мотивы на массовом личностном уровне. Это подрывало основы всей исторически сложившейся политики расселения, размещения поселений, нового строительства, подрывало основы способности сложившейся власти управлять обществом.

Каким бы впечатляющим ни был этот процесс, тем не менее выявились еще более впечатляющие сдвиги в ценностях миграции. Вторая половина XX в. оказалась переломной для российской миграции в масштабе всей истории страны. Она в значительной степени утратила свой центробежный характер и стала центростремительным процессом. Этот процесс определялся кризисными явлениями, внешними ограничениями дальнейшей центробежной миграции, сопротивлением, ростом дискомфорта проживания, по крайней мере на части территории страны. Произошла качественная смена массовых потребностей в полноте бытия. Со второй половины 1970-х гг. направление миграции изменилось на прямо противоположное: в центральную Россию и на восток страны из южных республик и районов. Миграционная экспансия сменилась их реэмиграцией в свою республику. Вытеснение русских стало буквально громом среди ясного неба [Вишневыский, Зайончковская, 1991].

В 1979 - 1988 гг. процесс реэмиграции русских охватил большинство республик СССР. Затем этот процесс принял характер эвакуации, включая выход из районов острых этнических конфликтов, где он переходил в массовое бегство.

Эти глубокие качественные сдвиги в направленности поисков полноты бытия были результатом, с одной стороны, усиления внешнего сопротивления продолжению политики миграции-колонизации, а с другой - определенной усталостью мигрантов от негативных ее аспектов, менялось содержание потребностей в полноте бытия. Историческое окончание на наших глазах тысячелетней миграции-колонизации определялось также общим ослаблением миграционного потенциала страны, снижением ценности миграции как содержания потребности в полноте бытия. Это связано с общим подрывом жизненных сил общества, связанных с безмерными испытаниями, потерями на протяжении XX в., с двумя национальными катастрофами в 1917 и 1991 гг., включающими распад общества, гибель государства.

Между 1979 и 1989 гг. миграционные потоки стремительно сокращались, уменьшились более чем в два раза. Восточный вектор миграции как проявление общего качественного перелома миграционных потоков потерял значение, происходил отток из Сибири, особенно из Западной. То есть потребность в полноте бытия в форме миграции, нацеленной в восточном направлении, теряла своих субъектов. Население чрезвычайно настороженно восприняло распад СССР и отреагировало свертыванием миграции. Ухудшение условий привело к ослаблению потребностей в миграции как важной основы формирования потребности в полноте бытия. В 1990 г. число мигрантов составило 9,7 млн. против обычных 13 - 15.

Следует также отметить, что относительно спокойный социальный фон не привел к оживлению миграции, к подъему мобильности. Сохранился нисходящий миграционный тренд. Сказанное свидетельствует о том, что реальные механизмы миграционного поведения не редуцируются до сиюминутной ситуации, это - результат накопления противоречивых ценностей культуры за длительный период.

По данным за 2001 г. главным направлением пространственных сдвигов населения России был уже упоминавшийся "западный дрейф". Возрастала притягательная сила столичных и крупнейших городов. Иначе говоря, потребности в полноте бытия на массовом уровне все более принимали характер массовых поисков комфортной жизни, отвечающих на представления не абстрактных мифов, но связанных с воспроизводством условий и средств существования, с воспроизводством выживаемости.

Сами по себе качественные сдвиги в миграции последних лет, ее ослабление могут создать серьезные проблемы для экономики страны, что неизбежно побуждает общество ответить на эти изменения. Однако ответ на них происходил в соответствии с содержанием культуры, культурным опытом большинства, который может не только не совпадать со стремлением к эффективным решениям, но значительно ухудшить ситуацию.

Усиление потребностей в экономической миграции имеет и обратную сторону, то есть - рост ксенофобии и враждебности к мигрантам, что отразилось, например, на выборах в Государственную думу в декабре 2003 г. Партии, защищающие национально-патриотические идеи, получили 21% голосов. Это можно рассматривать как намек на возможность движения к опасным, катастрофическим массовым решениям, аналогичным и одновременно противоположным решениям 1917 г. Такие решения и тогда, и в настоящее время можно рассматривать как попытку части населения искать выход в формировании новых потребностей в полноте бытия, в замене одних утопий другими, в активизации культуры, несущей архаичные утопии, например, в формировании в России моноэтнического общества, что с точки зрения ее исторического опыта представляется катастрофическим вариантом в чистом виде.

Данная проблема требует рассмотрения также на основе учета миграционных потребностей людей, проживающих в других странах и думающих о возможной миграции в Россию. От их поведения во многом зависит судьба страны. "От того, насколько страна справится с задачей привлечения необходимого количества иммигрантов, зависят темпы ее экономического развития, уровня жизни населения, размеры страны и ее целостности" [Зайончковская, 2006, с. 11 - 12]. Чтобы справиться с этой задачей, необходимо понять, как овладеть путями соединения двух задач, то есть найти такой вариант развития потребностей в полноте бытия, определяющих внешнюю и внутреннюю мигра-

цию, и одновременно выявить пути воспроизводства общества. Здесь мы сталкиваемся с важнейшим аспектом миграции, заключающимся в том, что при дальнейшем углублении ее понимания она превращается в проблему отношений людей, особенно тех групп, где расходятся культурные основания миграции. Враждебность к мигрантам может отсечь жизненно важные возможности развития российского общества, без реализации которых оно обречено на дезорганизацию, упадок жизненных сил.

Миграция и урбанизация

Важное значение миграции заключается в том, что она на определенном этапе перерастает в урбанизацию. Территориальная миграция приводит к такому сложному и важному явлению, как общемировая тенденция формирования поселений разных типов. Эти поселения можно умозрительно расположить в континууме между самым большим городом и самими мелкими поселениями.

Наиболее продвинутые центры поселений постоянно распространяют через диалог социокультурные достижения на все поселения, открывают возможность концентрации всех позитивных достижений в любой точке общества, что дает толчок соответствующему развитию всего общества, всех поселений. Урбанизация включает развитие массовой способности постоянно развивать, воспроизводить разнообразие форм деятельности, которые составляют богатство общества, основу его творческого потенциала. Это разнообразие постоянно обобщается, синтезируется в каждом поселении, в больших городах в масштабе общества в целом.

Урбанизация исторически складывалась как особый механизм формирования социокультурно закрепленных территориальных различий типов поселений. Человеческой основой этого процесса (а никакой другой основы этого процесса не существует) является изменение отношений людей, которое включает в себя миграционные процессы. Они в конечном итоге включают изменения содержания и характера диалога, воспроизводящего новые смыслы роста разнообразия и масштабов полноты бытия.

Урбанизация характеризуется тем, что, с одной стороны, большие города формируются как мощные центры интенсификации деятельности, центры скопления наиболее квалифицированной части населения, создающих основу для наиболее творческих видов деятельности, науки, искусства, то есть центров кумулятивного развития потребностей в полноте бытия. Наиболее продвинутые центры постоянно распространяют через диалог социокультурные достижения на все поселения, открывают возможность концентрации всех позитивных достижений в любой точке общества, что дает толчок соответствующему развитию всего общества, всех поселений через развитие новых потребностей. С другой стороны, урбанизация включает в свою динамику способности людей постоянно развивать, воспроизводить разнообразие форм деятельности, которые составляют богатство общества, основу его творческого потенциала. Это разнообразие постоянно обобщается, синтезируется в каждом поселении, в больших городах, в масштабе общества в целом.

Урбанизация выступала как диалектически противоречивый, амбивалентный процесс, как процесс возникновения, развития и преодоления социокультурных различий в интенсификации деятельности во всех ее формах между социокультурными территориально закрепленными центрами, между крупными центрами, прежде всего большими городами, и периферией. В развитых странах этот процесс постепенно терял свою территориальную закрепленность, то есть перестал быть тем, что традиционно называлось урбанизацией. Однако главное даже не это, а то, что данный противоречивый раздвоенный процесс развития общества, вступивший на путь интенсификации, продолжился с новой силой, но в иной форме. Территориально закрепленные центры подменялись возрастающей свободой установления коммуникативных связей любых точек общества друг с другом, созданием высокоэффективных сетей связей этого типа, лежащих в основе диалектики интенсификации.

Ослабление территориального закрепления центров-поселений подменялось возрастающей свободой установления связей любых точек общества друг с другом. Эти связи выступают в форме коммуникаций, общения, дуальных оппозиций, высокоэффективных сетей связей, лежащих в основе диалектики интенсификации. Данная возможность установления свободных отношений имеет исключительное значение для развития теоретического мышления, ибо предоставляет безграничные возможности для поиска новых дуальных оппозиций, необходимых для новых теоретических конструкций. Это открывает путь развитию человеческих способностей, возрастающих форм творчества и представляет собой мощную основу для развития творческой деятельности, определяющей дальнейшее развитие общества. Разумеется, данный процесс может быть эффективным при условии, если он опирается на соответствующее развитие культуры, на массовое осознание ценностей разнообразия и плюрализма, отказа от борьбы с ростом разнообразия.

Опыт мировой урбанизации показывает, что она прежде всего нацелена на формирование мощных центров прогресса, на формирование предпосылок для развития потребностей в полноте бытия, совершенствования возможностей и способностей их реализации. Современная цивилизация - в первую очередь городская цивилизация, сложившаяся на основе урбанизационного процесса в странах, где он в Новое время зашел достаточно далеко. Развитие миграции и урбанизации ведет не только к новому пониманию общественных механизмов, но и открывает новые возможности развития логики культуры, опирающейся на бесконечные возможности формирования новых оснований.

Исследование истории миграции и урбанизации открывает путь новым знаниям, новой логике в их изучении. В частности, это необходимо для изучения специфики социокультурной динамики российского общества. Например, сегодня изучение урбанизации в России включает осознание необходимости отдельного изучения населения, проживающего в городах, и населения, которое можно рассматривать как урбанизированное по своим культурным характеристикам, отвечающим критериям, ценностям динамичной достижительной формы жизни. Например, в 1900 г. в Российской империи в городах проживало 14% населения, тогда как население, отвечающее критериям урбанизации, составило лишь 2%. В 1917 г. эти цифры составили, соответственно, 18% и 3%. Для сравнения можно привести данные за 1994 г. (пока последний, за который проведен соответствующий расчет): 74% и 54%. Уже эти цифры говорят, что российское общество с громадным трудом, крайне медленно выходило из-под господства традиционализма и имеет пока ограниченную социокультурную базу для развития массовой либеральной культуры.

Тем не менее разрыв между этими показателями неуклонно уменьшается, что свидетельствует об определенном прогрессе. В 1991 г. процент урбанизированного населения превысил половину населения, тогда как по официальным данным урбанизация перешагнула этот рубеж уже в 1961 г. [Гольц, 2002, с. 528 - 530]. Очевидно, что сама эта потребность в принципиальном разделении городского и урбанизированного населения возникает не во всех странах, но лишь там, где роль городов, городской культуры в обществе не достигла перелома в своем влиянии на общество, где складывались урбанизированные анклавы общества в океане доурбанизированной культуры, где сами города не были способны в решающей степени преодолеть господство доурбанизированной культуры.

Это внутреннее расчленение городского населения в российских городах - еще одна иллюстрация внутренне противоречивых процессов миграции, по своему содержанию являющихся важнейшим аспектом динамики российского общества. Их игнорирование может иметь негативные последствия. Отсюда очевидно, что специфика урбанизации в России заключается в том, что хотя она и несет в себе общую тенденцию подтягивания культурного уровня периферии до уровня центров, тем не менее значительный удельный вес населения, который по официальной статистике числится городским, в действительности не достиг уровня урбанизированности и тяготеет к ценностям, характерным для догосударственной жизни. Данное обстоятельство лежит в основе различных типов

стремления к полноте бытия, различных типов реакции на все формы, типы миграции, могущих противостоять друг другу.

Через социокультурную незавершенность урбанизации развитие общества приобретает раздвоенный, противоречивый характер. С одной стороны, урбанизация проявляется как накопление творческого потенциала, создавая крупные центры интенсификации, прежде всего в форме городов, центров культуры, науки, поднимающих города на качественно новый уровень. Такая концентрация органически неотделима от интенсификации массового производства разнообразных потребностей, что и превращает эти центры в двигатели развития общества в целом, в стимулятор потребностей в полноте бытия. Эти центры постоянно наращивают потенциал полноты бытия. С другой стороны, существует периферия, противостоящая этому процессу. В России, отягощенной своей специфической историей, урбанизация протекала в извращенной форме, ибо развитие городов опиралось прежде всего на административные процессы, потребности военного характера. Это значительно изменяло существо и механизмы урбанизации, ограничивало их роль как двигателей развития потребностей в полноте бытия, наложило свой отпечаток на специфику российской цивилизации.

* * *

Это краткое исследование призвано показать, что человеческие потребности не редуцируются к желанию следовать вектору, указывающему на более "сытую" жизнь, на ценности, которые можно свести к потребительству. Такая модель больше напоминает поведение животных, но не человека. Разумеется, потребности в полноте бытия как специфические потребности человека не отменяют "утилитарных" потребностей, но предполагают поиск их места в иерархии ценностей. Через потребность в полноте бытия формируется способность человека делать свои потребности предметом своей деятельности, озабоченности. Через взаимопереходы миграции и урбанизации формируется дорога к самоутверждению субъекта, к повышению способностей решать все более сложные проблемы, обеспечивать свою выживаемость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библер В. С. Самостоянье человека. Кемерово, 1993.

Вишневский А. Г., Зайончковская Ж. А. Миграция из СССР: четвертая волна. М., 1991.

Гольц Г. А. Культура и экономика России за три века, XVIII-XX в. В. Т. I. Менталитет, транспорт, информация: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск, 2002.

Зайончковская Ж. А. Иммиграция: альтернативы нет // Нужны ли иммигранты российскому обществу? М., 2006.

Зайончковская Ж. А. Трудовая миграция в странах СНГ // Влияние на профессионально-квалификационную структуру населения. М., 2004.

Иофа Л. Е. Города Урала. Ч. 1. Феодалный период. М., 1951.

Материалы международной конференции. "Миграция, социальные и межкультурные аспекты устойчивого развития" 10 - 11 марта 2004. М., 2004.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Полян П. М. Не по своей воле... М., 2000.

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 2006.

Яковенко И. Г. Постсоветская Россия: логика разворачивания этнокультурных процессов в свете конца империи и глобализации // Цивилизации. Россия в цивилизационной структуре евразийского континента. М., 2004.